

ЭРИН ДУМ

ЗАКЛИНАТЕЛЬ
СНЕГА

LIKE
BOOK

МОСКВА

УДК 821.131.1-312.9
ББК 84(4Ита)-44
Д82

Erin Doom
Nel modo in cui cade la neve

Copyright © 2022 Adriano Salani Editore s.u.r.l., Milano
Published by arrangement with ELKOST International literary agency

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© Artnata / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перевод с итальянского *К. Жолудевой*

Художественное оформление *Д. Васильченко*

Д82 **Дум, Эрин.**
Заклинатель снега / Эрин Дум ; [перевод с итальянского
К. Жолудевой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-215913-8

Говорят, сердце как снег. Оно способно растаять даже от слабого тепла.

Айви выросла в Канаде, стране кристально-чистых озер, прекрасных лесов и белоснежных гор. После смерти родителей она переезжает к своему крестному в солнечную Калифорнию, где надеется оставить прошлое позади и начать все сначала.

Но жизнь в ее новом доме похожа на кошмар. И все из-за сына ее опекуна, Мейсона. Парня с прекрасной внешностью и безумным взглядом хищника. Он вовсе не скрывает свою неприязнь к Айви и делает все, чтобы отравить ее существование.

Айви старается найти свое место в отвергающем ее мире, но как ей растопить лед в сердце Мейсона?

УДК 821.131.1-312.9
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-04-215913-8

© Жолудева К., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Посвящается стойким

ПРОЛОГ

Говорят, сердце как снег. Своевольное, молчаливое, способное растаять даже от слабого тепла. Там, откуда я приехала, все так думают. Вы услышите это от стариков, маленьких детей и тех, кто поднимает тосты за счастье. Якобы у каждого из нас сердце из снега, потому что чистота чувств делает его мягким и непорочным.

Я в это никогда не верила. Да, я выросла в северном краю, где все промерзают до костей, но никогда не разделяла это убеждение.

Снег приспосабливается ко всему, он нежный, сглаживает острые углы, покрывает предметы, не причиняя им вреда. Но сердце — нет, сердце требовательное, оно кричит, сжимается и упрямится.

Позже я кое-что поняла, как понимают, что Солнце — звезда, а изумруд всего лишь камень. Я поняла, что неважно, насколько сердца различаются, важно, насколько они похожи. Неважно, что одно горячее, а другое холодное; неважно, что одно протестует, а другое смиряется.

Я перестала выискивать разницу. И лучше бы я этого не поняла и продолжала обманываться.

Однако ничто не обратит время вспять. Ничто не вернет мне то, что я потеряла.

В таком случае, возможно, правда то, что говорят. Может, люди не ошибаются.

Сердце — как снег. С наступлением сумерек оно превращается в комок льда.

ГЛАВА 1 КАНАДКА

— Айви!

Я оторвала взгляд от белой скатерти, и окружающий мир снова был перед моими глазами. Я опять слышала шум разговоров, постукивание столовых приборов о посуду.

Женщина, сидевшая рядом, смотрела на меня со спокойным выражением лица, хотя в мельчайших складочках ее натянутой улыбки я разглядела смущение человека, который скрывает неловкость.

— Все хорошо?

Я сидела, сцепив руки в замок. Салфетка превратилась в клочки в моих бледных пальцах. Я положила их на стол и накрыла ладонью, чтобы больше не теревить.

— Он придет с минуты на минуту, не волнуйся.

А я и не волновалась. Сказать по правде, сейчас меня вообще мало что волновало.

Сопровождающая, которую ко мне приставили, казалось, была обеспокоена моим равнодушием, особенно когда мы зашли в ресторан в аэропорту и я почувствовала неприятный запах кофе и готовой еды. Она посмотрела на меня так, будто мои эмоции были упакованы в чемодан и теперь крутились, забытые, где-то на ленте выдачи багажа.

Я отодвинула стул и встала.

— Ты в туалет? Хорошо, я подожду тебя тут.

Мне хотелось бы сказать, что я рада оказаться здесь, что действительно стоило проделать такой долгий путь ради того, чтобы не быть одной. Теперь в моем сером существовании появился проблеск надежды на то, что начнется новая жизнь. И все же, пока я рассматривала свое отражение в зеркале туалета, вцепившись пальцами в края раковины, меня не покидало ощущение, что перед мной тряпичная кукла, сшитая кое-как из случайных лоскутков.

«Держись, Айви, будь стойкой!»

Я закрыла глаза, и мое дыхание разбилось об стекло. Хотелось уснуть и, может быть, никогда не проснуться, потому что только во сне я находила покой, который, проснувшись, искала в реальности, ставшей для меня далекой вселенной, которой я больше не принадлежала.

Я открыла глаза. Зрачки впились в туманный кружочек, нарисованный моим дыханием. Открыла воду, помыла руки и наконец вышла из туалета.

Проходя мимо столиков, я старалась не обращать внимания на посетителей, которые поворачивали головы, чтобы посмотреть мне вслед.

Я в курсе, что выгляжу необычно, но только небо знает, как я ненавижу, когда на меня глазают.

Я родилась с удивительно бледной, молочно-белой кожей. Во мне всегда было мало меланина. Пожалуй, только у альбиноса цвет кожи бледнее, чем у меня. Не сказать, что это для меня проблема: я выросла в Доусон-Сити, в Канаде. Там снег идет три четверти года, температура зимой часто опускается до минус тридцати. Тому, кто, как я, жил на границе с Аляской, загар никогда не грозил.

Тем не менее в детстве я страдала от насмешек сверстников. Они говорили, что я похожа на привидение утопленницы, потому что волосы у меня были ярко-белые и тонкие, как паутина, а глаза цвета замерзшего озера.

Может, еще и поэтому я проводила больше времени в лесу, чем в городе. Среди лишайников и елей, которые макушками касались неба, не было любопытных глаз.

Я вернулась к столику и заметила, что моя сопровождающая уже не сидит за столом, а стоит.

— А, вот и ты! — улыбнулась она, увидев меня. — Господин Крейн пришел.

Она отступила в сторону, и я увидела его.

Он был точь-в-точь таким, каким я его помнила: угловатое лицо, каштановые с проседью волосы, короткая ухоженная борода, доверительный живой взгляд, вокруг глаз морщинки от радости или огорчения.

— Айви!

От его голоса все вдруг сделалось ужасно неправильным. Я не забыла его, он всегда был теплым, почти отеческим, его голос. Однако этот ласковый тон прорвал завесу апатии, отделявшую меня от мира. Я вдруг осознала, что и правда нахожусь в аэропорту и это не кошмарный сон, а реальность.

— Айви, как ты выросла!

Прошло больше двух лет. Иногда, глядя сквозь мутное стекло, я спрашивала себя, когда же увижу его вновь в конце улицы, шагающего в башмаках по дорожной грязи, в красной шерстяной шапке и с вечным свертком в руке, перевязанным бечевкой.

— Привет, Джон!

В его улыбке промелькнула горечь.

Прежде чем я успела отвести взгляд, он подошел ко мне и обнял. Мне в ноздри ударил его запах, и я уловила легкий оттенок табака, который он всегда носил при себе.

— Ох, какой красавицей ты стала, — пробормотал он, пока я неподвижно стояла в кольце его рук, как марионетка, не отвечая на объятия, с помощью которых он, казалось, пытался удерживать меня на ногах. — Ты уже совсем взрослая. А я ведь просил тебя не расти.

Джон улыбнулся, а я опустила голову, не в силах ответить на его улыбку.

Я притворилась, что не слышу, как Джон всхлипнул, когда отстранился и погладил меня по голове. Потом он расправил плечи, становясь чуточку более серьезным, и обратился к соцработнице:

— Извините, не представился. Я Джон Крейн, крестный отец Айви.

Мы с папой всегда жили вдвоем.

Незадолго до маминой смерти он уволился с работы, и вместе они переехали в Канаду, в городок Доусон-Сити. Маму я не помнила, потому что была слишком маленькой, когда ее не ста-

ло. Папа растил меня один. Он купил коттедж возле леса и посвятил себя мне и природе.

Он открыл для меня красоту заснеженного леса с потайными тропинками и ветвями деревьев в наледи, которые на закате сверкали, как самоцветы. Я научилась распознавать следы животных на снегу, умела определять возраст деревьев по свежему срубу. Но в особенности я полюбила охотиться. Папа брал меня с собой в лес каждый божий день, наверное, с тех пор как я научилась ходить. Я росла и со временем освоилась с ружьем, да так метко стреляла, что папа удивлялся.

Я помнила, как он тренировал меня на стрельбище. Мы сидели, притаившись в высокой траве, и ждали диких голубей. В конце концов я перестала бить мимо цели.

Когда я думала о Канаде, в голове возникали образы кристально чистых озер и лесов на вершинах гор, покрытых снегом.

А сейчас, глядя в окно машины, я замечала только пальмовые листья по обочинам и следы от самолетов в небе.

— Мы почти приехали, — сказал Джон.

Без интереса я смотрела на домики, мелькавшие один за другим, как белые курятники. Вдалеке в тисках солнца сверкал океан. Дети катались на роликах по выделенным дорожкам, через каждые сто метров попадались магазинчики для серфингистов. Видя это, я спрашивала себя, как я здесь буду жить.

В Калифорнии.

Здесь жители не знали, что такое снег, и вряд ли смогли бы отличить медведя от россомахи, если столкнулись бы с кем-то из них.

Здесь было адски жарко, плавился асфальт.

Вряд ли я впишусь в эту жизнь.

Джон, наверное, догадался, о чем я думаю, потому что пару раз взглянул на меня, оторвавшись от дороги.

— У нас здесь все по-другому, да? — сказал он, озвучив мои мысли. — Но я уверен, что ты ко всему привыкнешь, нужно только набраться терпения. Спешки нет. Дай себе время.

Я обхватила пальцами свой кулон и подперла другой рукой щеку. Джон улыбнулся.

— Наконец-то ты сможешь увидеть своими глазами то, о чем я тебе рассказывал, — проговорил он ласковым тоном.

Всякий раз, когда Джон приезжал к нам в гости, он привозил открытки с видами Санта-Барбары. «Вот здесь я и живу», — говорил он, потягивая горячий шоколад. Я смотрела на пляжи, на роскошные пальмы, на темно-синюю бескрайнюю гладь океана. «Мы любим скакать по волнам на длинных досках». Интересно, думала я, объезжать лошадей и укрощать высокие волны, о которых он рассказывал, — это похожие занятия. Да, говорила я, океан большой, но и у нас есть такие большие озера, у которых не видно дна, где можно ловить рыбу летом и кататься на коньках зимой.

Папа смеялся, ставил на стол глобус и пальцем показывал мне, какой маленький наш город на этом шаре из папье-маше.

Я помнила его теплые руки. Если закрывала глаза, то все еще могла почувствовать их на своих руках — нежные, хоть и мозолистые его ладони.

— Айви, — сказал Джон, когда я закрыла глаза и ко мне вернулось чувство удушья, запершило в горле. — Айви, все будет хорошо.

«Все будет хорошо», — снова слышала я и видела яркий рассеянный свет и подвешенные к аппаратам пластиковые трубки. Снова почувствовала запах дезинфицирующего средства, медикаментов и опять увидела успокаивающую улыбку, которая никогда не угасала, если была обращена ко мне.

— Все будет хорошо. Обещаю тебе.

Так я и заснула, привалившись к окну, укутавшись в воспоминания, сотканые из тумана и объятий, в которых хотелось остаться навсегда.

— Эй!

Кто-то дотронулся до моего плеча.

— Айви, просыпайся, мы приехали.

Спросонья я вскинула голову, резко открыла глаза и часто заморгала. Цепочка с кулоном упала с моей щеки.

Джон уже вышел из машины и доставал из багажника чемоданы. Я отстегнула ремень безопасности и убрала волосы с лица, натянув на голову бейсболку.

Когда я вышла из машины, то от удивления невольно разинула рот: представший передо мной дом не походил ни на один из

таунхаусов, что я видела по дороге, — большой особняк в стиле либерти, можно даже сказать, вилла. Просторный сад, в котором я незаметно для себя вдруг оказалась, сверкал пышной зеленью, и аллея, посыпанная гравием, казалась ручьем, который бежал к входной калитке. Арочную галерею террасы поддерживали белые колонны, по ним поднимались вверх маленькие цветочки жасмина, и большой балкон из белого мрамора короновал фасад, придавая всему строению изысканный вид.

— Ты здесь живешь? — спросила я недоверчиво.

Джон поставил чемодан на землю и приложил запястье ко лбу.

— Неплохо, да? — выдохнул он, осматривая дом. — Конечно, он сделан не из бревен, и камин мы никогда не зажигаем, но я уверен, что тебе здесь будет удобно.

Джон улыбнулся, пододвигая ко мне чемодан. Я посмотрела на него косо.

— Ты так говоришь, как будто я выросла в эскимосском иглу.

Хотя я понимала, что мой прежний образ жизни многим мог показаться странным. Я приехала из такого уголка земли, где, прежде чем жить, люди учатся выживать. Для меня странным было все окружающее меня сейчас, а не наоборот.

Джон засмеялся и ласково на меня посмотрел, а потом перевернул мою кепку козырьком назад.

— Я рад, что ты приехала!

Может, мне следовало бы ответить: «И я тоже», или по крайней мере сказать спасибо, потому что он делал для меня больше, чем я могла ожидать: Джон не оставил меня одну.

Однако меня хватило только на то, чтобы поднять уголки губ, изобразив подобие улыбки.

Поставив мои вещи у входа в дом, Джон вынул связку ключей и открыл дверь.

— О, он уже вернулся, — сказал он, входя. — Отлично, сразу и познакомитесь. Заходи, Айви!

«Кто уже вернулся?» — подумала я, следуя за ним.

В лицо дунуло прохладой. Я положила рюкзак на пол и огляделась. Высокий потолок с красивой люстрой в центре, усыпанной капельками из граненого дутого стекла. Огромное пространство открывалось красивым холлом, залитым светом из больших

окон, который отражался в блестящих прожилках мраморного пола. Чуть дальше слева две массивные двери вели в великолепную гостиную, а справа виднелись кухня в современном стиле и барная стойка со сверкающими высокими стульями.

В глубине холла прямо напротив меня поднималась широкая лестница с коваными перилами, украшенными завитушками. Совершенно не похоже на мой родной коттедж.

— Мейсон, мы дома!

Мой мозг отключился. Я стояла неподвижно посреди холла, как чучело енота.

Нет! Как такое могло быть? *За все время я ни разу не подумала о сыне Джона.* Я схватилась рукой за лоб, с досадой осознавая, что я полная идиотка. Как я могла о нем забыть?

Всю дорогу я только и делала, что думала о том, как изменится моя жизнь. Я как будто забаррикадировалась в самой себе, заиклившись на мысли, что есть кто-то, кто захотел меня приютить. И этот кто-то Джон. Другие мысли мозг просто отменил.

У Джона есть сын, и я об этом знала, черт побери! Когда я была маленькой, он показывал фотографию, которую носил в бумажнике. Гордо говорил мне, что его сын — мой ровесник. «Мейсон — суший чертенок», — приговаривал он, пока я рассматривала мальчика с беззубой улыбкой, стоявшего рядом с велосипедом, у которого руль был с каучуковой оплеткой. На шее у него висели две боксерские перчатки, он ими явно хвастался. И позже, через несколько лет, помню, пока я готовила горячий шоколад, Джон рассказывал, что Мейсон такой же высокий, как я, что он ненавидит математику и увлеченно занимается боксом. Джон описывал в красках все поединки Мейсона и шутил, что сынок выбрал правильный вид спорта, ведь теперь он сможет защитить не только себя, но и своего папашу.

— Айви! — Голова Джона высунулась из-за стены. — Чего ты там стоишь? Иди сюда. Брось чемодан!

Я неуверенно огляделась и подошла к нему.

В этот момент я поняла, что даже папа никогда не встречался с сыном Джона. И встретиться с ним впервые в жизни мне предстояло уже без папы.

— Мейсон! — позвал Джон, открывая окно в гостиной. Казалось, ради меня он старается сделать дом уютнее и привлека-